

Культура — это память

Л. Лазарев. Шестой этаж. Книга воспоминаний

Когда-то, прочитав «Шестой этаж» Л. Лазарева еще в журнальном варианте, я остро позавидовала автору. Такая вот странная реакция, на которую автор, конечно же, ни в коей мере не рассчитывал. Речь-то в воспоминаниях шла о временах пусть и не самых кровавых, но отнюдь не идиллических — о «кочетовском» и сменивших его «смирновском» и «симоновском» периодах в истории «Литературки», о всяческих цензурных и прочих препонах, о том, с каким тележным скрипом проходили честные статьи, как сражались тогдашние молодые «лшгазетовцы» даже не за что-то «антисоветское» (об этом и подумать невозможно), а просто — за право писать о реальности, а не о фантомах. Сейчас, когда 50—60-е годы ушли в довольно далекое прошлое и многие вспоминают их — чего греха таить — не всегда добрым словом, тогдашнее рыцарство молодых защитников правды и чести кажется сродни прекрасному декабристскому братству. Чем-то представляло оно до крайности романтичным, задорным, рискованным: чего только не приукрасят наслоившиеся десятилетия!

И другая тоска накатывалась по прочтении воспоминаний Л. Лазарева: тоска по временам, когда литература и впрямь была *нашим всем*. Боюсь, что чувство это тоже было безудержно романтическим, ибо сегодняшний день беспощадно обнажил истинные литературные пристрастия большинства. Говорить об истоках явления этого можно долго, и возможно, что исковерканность литературной жизни прошедших десятилетий тут играет роль не последнюю. Недавний взлет литературного романтизма — перестроечная эйфория — был, видимо, последним периодом, когда интеллигенция шумно восторгалась собственным народом, *сквозь все* тянувшимся к прекрасному, к настоящей литературе.

Сейчас воспоминания Л. Лазарева вышли в дополненном виде. К рассказу о «литгазетовской» молодости добавились очерки об ушедших друзьях автора — о Викторе Некрасове, Константине Симонове, Анатолии Аграновском, Борисе Слуцком, Алесе Адамовиче, Борисе Балтере, Андрее Тарковском, Марке Галлае. Здесь же — и «Записки пожилого человека»: оказывается, пишет автор, что «незаметно для себя перекочевал я в эту почтенную возрастную группу», вот и возникла потребность рассказать нам, «из другого поколения», какие-то жизненные эпизоды, истории, вспомнить чьи-то рассказы, но крупницам воссоздать черточки былого.

И вот сейчас-то, читая эту книгу, в первую очередь осознаешь — уже не «романтически», а трезво и объективно, — что эта благодарная память об ушедших друзьях, о тяжелой их жизни, нередко искалеченной и исковерканной (а ведь этого частенько и знать не хотят расплодившиеся ортодоксы от демократии!), — что все это и есть наша культура. Потому что настоящая культура — это прежде всего память. Ни на миг нельзя забывать, что нынешняя свобода, которую мы уже, увы, мало ценим, не с неба свалилась, не подарена была добрыми правителями, а завоевывалась лучшими людьми предыдущих поколений. Что за нее — все по-разному — боролись Б. Балтер и Алесь Адамович, Андрей Тарковский и В. Некрасов, и об этом-то и рассказывает Л. Лазарев. За порыв к свободе и за право писать правду, пусть даже часть ее (а *всю* правду, как сказал как-то Ф. Искандер, если кто и знает, так только Бог), кто поплатился изгнанием из страны, кто — лишением возможности печататься, кто — исковерканными строками, а кто — и жизнью. Знать обо всем этом для нравственного здоровья нации, равно как и для развития ее культуры, не менее